Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/OBPQEO
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

ИСПОВЕДАЛЬНОЕ СЛОВО В ПРОЗЕ Л. АНДРЕЕВА (РАССКАЗ «МЫСЛЬ» И ПОВЕСТЬ «МОИ ЗАПИСКИ»)

© 2024 г. Ч. Чиан
Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Тайвань
Дата поступления статьи: 16 октября 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 29 ноября 2023 г.
Дата публикации: 25 сентября 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-256-271

Аннотация: Статья посвящена исповедальному дискурсу как одному из ключевых аспектов рассказа «Мысль» и повести «Мои записки» Л. Андреева. В названных текстах исповедь не только служит важным нарративным приемом, позволяющим создать особого типа психологизм, но и имеет непосредственное отношение к раскрытию идейного содержания произведений. Большое внимание уделено исповедальному слову как воплощению экзистенциального сознания, механизму адресации и реализации игровой поэтики. Показано, что в исследуемых сочинениях исповедальная интенция, с одной стороны, говорит о попытке самопознания и необходимости человека преодолеть замкнутость собственного существования, с другой — не приводит к установлению истины, а лишь свидетельствует о ее непостижимости и относительности. В работе рассматривается принцип диалогизации, анализируется и роль паратекстовых элементов. Доказано, что отраженное в «Мысли» и «Моих записках» стремление к саморазоблачению выявляет парадоксальность исповедального слова, которое становится некой игрой, нередко приводящей к самообману и фиктивному конструированию личности.
Ключевые слова: Леонид Андреев, «Мысль», «Мои записки», исповедь, безумие, игра.
Информация об авторе: Чиех Хан Чиан — кандидат филологических наук, ассистент-профессор, Факультет славистики, Государственный университет Чжэнчжи, ул. Чжинан, ск. 2, № 64, 11605 г. Тайбэй, Тайвань.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2821-8987
E-mail: chiehhan@nccu.edu.tw
Для цитирования: *Чиан Ч.* Исповедальное слово в прозе Л. Андреева (рассказ «Мысль» и повесть «Мои записки») // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 3. С. 256–271. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-256-271

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 3, 2024

CONFESSIONAL NARRATIVE IN LEONID ANDREEV'S "THOUGHT" AND "MY NOTES"

National Chengchi University,
Taipei, Taiwan
Received: October 16, 2023
Approved after reviewing: November 29, 2023
Date of publication: September 25, 2024

Abstract: This paper examines the role of confessional discourse in Leonid Andreev's "Thought" and "My Notes." In these works, confession not only serves as a significant narrative device that creates a particular mode of psychological reality. It is also directly related to the interpretation of the meaning of the stories. On the one hand, the confessional intention presented in the texts shows the struggle to gain self-knowledge and the urgency of overcoming the isolation of one's existence. On the other hand, it does not lead to the discovery of truth and only unveils its elusive quality. With a particular focus on the representation of existential consciousness and the realization of the poetics of play, this study examines, among others, the principle of dialogism and the significance of paratextual elements. The paper argues that the desire for self-disclosure reflected in "Thought" and "My Notes" reveals the paradoxical nature of the confessional narrative, which is transformed into a certain kind of play, leading to self-deception and the fictitious construction of identity.

Keywords: Leonid Andreev, "Thought," "My Notes," confession, madness, play.

Information about the author: Chieh-han Chiang, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Slavic Languages and Literatures, National Chengchi University, Zhinan Rd., Sec. 2, No. 64, 11605 Taipei City, Taiwan.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2821-8987
E-mail: chiehhan@nccu.edu.tw

For citation: Chiang, C. "Confessional Narrative in Leonid Andreev's 'Thought' and 'My Notes'." *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 3, 2024, pp. 256–271. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-256-271

Роль исповедального слова в художественном мире Л. Андреева трудно переоценить. Внимание к исповеди отличало его творчество с самой ранней поры. Комментируя дневниковые записки молодого Андреева, Н.П. Генералова утверждает, что опыт работы в исповедальном жанре и разработанный в этой связи аналитический подход к постижению глубины сознания человека нашли яркое выражение в его дальнейших творческих исканиях [7, с. 83]. Именно с эксперимента в области исповедального повествования начал свой писательский путь Андреев. Как указывал М.В. Козьменко, «инерция психохронического дискурса» является фактором, существенным для ранних беллетристических произведений писателя [12, с. 33]. В форме, близкой к дневниковой, созданы некоторые его тексты, наброски рассказов, например «Исповедь умирающего», «Случилось все это очень просто», «Из записок алкоголика», «Грошовый человек», где в фокус внимания попадают исповедующиеся герои, переживающие внутренние конфликты и кризисы[1]. Тяготение к исповеди можно проследить также в более крупных произведениях, в том числе в повести «Красный смех» и романе «Дневник Сатаны». Исповедальная интенция проявляется не только в прозе, но и в драматургии Андреева. Весьма показательны в этом плане пьесы «Собачий вальс» и «Реквием», которые, по мнению Ю.В. Бабичевой, можно назвать «драмами-исповедями», так как в них особенно наглядно воплощается стремление к лирическому «душевному обнажению» [2, с. 53].

1 При этом М.В. Козьменко, обращая внимание на исповедальную форму наброска к началу рассказа «Случилось все это очень просто», называет текст «самым ранним подходом к сюжету рассказа “Мысль”» [12, с. 34].

В данной статье предпринята попытка выявить смысл исповедального слова в рассказе «Мысль» и повести «Мои записки», рассмотреть в этом ракурсе вопросы, имеющие непосредственное отношение к мировоззрению и художественному мышлению писателя. Значимость этих произведений для самого Андреева не требует комментариев. Отметим лишь, что через двадцать лет после публикации «Мысли» автор вернулся к своему замыслу и создал по сюжету рассказа одноименную «современную трагедию», а «Мои записки», по мнению М. Горького, есть «верный ключ, коим отпираются все “тайны”» творчества Андреева [28, с. 450]. Названные тексты объединяют общая тематика, особый метод психологического описания, а также ярко выраженное исповедальное начало, которое не только выступает важной повествовательной стратегией, но и позволяет раскрыть идейное содержание произведений.

Исповедь как литературный жанр всегда являлась объектом пристального изучения в гуманитарных науках. Исследователи показывали, в частности, как акт исповеди, тесно связанный с трансформацией религиозно-философских, медицинских, политических и юридических дискурсов, стал одной из важнейших форм саморефлексии в западной культуре, дал импульс к зарождению и формированию субъекта Нового времени [9; 21; 24]. Трактуя исповедальный роман XIX–XX вв. как ответ на кризис современности, П. Аксельм указывал на то, что, в отличие от традиции церковной исповеди, главной целью которой является отпущение грехов посредством речи, в исповедальном романе, как правило, ключевую роль играют не очищение и освобождение, а опыт самопознания и поиск нового мировоззрения [23, с. 11].

Этот аспект принципиально важен для анализируемых нами произведений. Исповедь в «Мысли» свидетельствует в первую очередь об отчаянном стремлении героя к самопознанию. В рассказе используется рамочная композиция: в начале и в конце события переданы от лица непричастного повествователя, а основную часть произведения составляют «письменные объяснения» на «листах», в которых герой рассказа, доктор Керженцев, излагает свою историю. Как отметила Е.А. Михеичева, в этом тексте главным средством воплощения психологического состояния персонажа служит внутренний монолог, отражающий поток сознания [15, с. 83]. Этот подход напоминает бахтинское представление о «самоотчете-испове-

ди», где «является попытка зафиксировать себя самого в покаянных тонах в свете нравственного долженствования» и «возникает первая существенная форма словесной объективации жизни и личности» [3, с. 208]. С одной стороны, исповедь как форма прямого психологизма дает герою-рассказчику возможность наиболее полного самовыражения, с другой — в ней обнаруживается крайняя субъективность восприятия действительности, особенно значимая для исследуемого произведения.

Слова Керженцева — это, по сути, исповедь без покаяния[2]. Признав вину в убийстве своего приятеля, герой объясняет, что исповедуется «не для того чтобы добиться ненужного <…> снисхождения», а чтобы обнаружить скрытую им истину, доказать правильность и нормальность своего решения [27, т. 1, с. 385], ведь для него «нет судьи, нет закона, нет недозволенного» [27, т. 1, с. 419]. В рассказе Керженцева воссоздана его интеллектуальная биография, в которой преступление представляет собой лишь один из ряда экспериментов над собственным сознанием и окружающими людьми.

Показательно, что Керженцев не только описывает, но и анализирует себя, словно пытается поставить диагноз, фиксируя свое внимание на самых разных деталях. О попытках тщательного изучения собственного жизненного пути герой говорит: «Ни одной мелочи в своей жизни не оставил я неисследованной. Я проследил всю свою жизнь» [27, т. 1, с. 412]. Наиболее существенным вопросом самоанализа для него является постижение сущности мысли, которая, как и другие метафизические понятия в художественном сознании Андреева, материализуется и бесконечно трансформируется. Керженцев обожествляет мысль, восхищается ее силой и красотой, а затем, когда осознает, что потерял власть над собственной мыслью, его речь превращается в бредовый хаос: возникает образ «мысли-змеи», которая множась, дико танцуя, «из головы <…> ушла в тайники тела, в черную и неизведанную его глубину» [27, т. 1, с. 409]. Самым страшным становится для Керженцева момент, когда герой понимает, что его знание о себе — самообман. Перед непостижимой, всемогущей мыслью человек оказывается абсолютно бессилен. В этом плане совершенно точна интерпретация А. Кауна,

2 Здесь имеет смысл упомянуть, что, сравнивая метод психологического анализа в произведениях Андреева с традицией Ф.М. Достоевского, С.Ю. Ясенский утверждал, что «исповедь без покаяния» можно считать «сквозной ситуацией» творчества Достоевского. См.: [22, с. 168–169].

который назвал андреевский рассказ «исследованием неразгаданного и непознаваемого самосознания» [26, с. 262].

Следует отметить, что исповедальное слово в «Мысли» тесно связано с проявлением экзистенциального мировидения. В размышлениях Керженцева отражены ключевые для Андреева вопросы человеческого бытия, а именно «социальные и философские проблемы отчуждения, одиночества, обезличивания человека, детерминации и свободы личности» [13, с. 120]. Эти проблемы раскрываются в пограничных, критических ситуациях, с которыми сталкивается андреевский человек. В «Мысли» своего рода пограничность воплощается в психологическом положении героя, находящегося между разумом и безумием. По утверждению Л.К. Антощук, безумие для Керженцева есть «обрыв, за которым стоит пустота», поскольку его собственное сознание есть единственная подлинная реальность, заигрывание с его границей не только обозначает тотальное отрицание установленного порядка, но и становится некой проверкой предела своего существования [1, с. 28]. Анализ этого процесса, следовательно, можно интерпретировать как некий опыт философского вопрошания.

Кризисная ситуация, переживаемая Керженцевым, сказывается и в его желании исповедоваться. Характеризуя экзистенциальное слово как «слово, бессознательно жаждущее исповедальности», Г.М. Ибатуллина указывает на то, что исповедальная форма представляет собой естественное выражение экзистенциальной мысли [10, с. 81]. Потребность в исповеди появляется, как правило, в переломный момент напряженного душевного состояния, когда человек ощущает необходимость преодолеть замкнутость собственного существования. Вспомним слова героя «Мысли» об изолированности своего бытия: «Мне живо представилось <...>, как я чужд всем этим людям и одинок в мире, я, навеки заключенный в эту голову, в эту тюрьму» [27, т. 1, с. 395].

Таким образом, то, что описано в рассказе, можно считать своего рода коммуникативной ситуацией, ведь, по существу, исповедь всегда предполагает адресата. Речь Керженцева, остро ощущающего аналитический взгляд психиатров, открыто обращена к читателям. Герой просит прощения за неточности описания и отступления от основной линии повествования, задает риторические вопросы, которые иногда заменяют прямые высказывания. Значимо, что он неизменно учитывает чужое присутствие и даже на-

чинает определять свою психопатологическую ситуацию «на языке господ экспертов» [27, т. 1, с. 390].

Аналогичное явление зафиксировано и в «Моих записках», где персонаж по прозвищу «дедушка», находящийся в тюремном заключении, пытается доказать свою невиновность и сформулировать своеобразную философскую систему, открывающую «священную формулу железной решетки» [27, т. 3, с. 145]. Можно сказать, что в данном случае исповедь превращена в проповедь. Как заявляет герой, он пишет «в назидание людям слабым и колеблющимся» [27, т. 3, с. 113]. Его слова, нацеленные на формирование нового мировоззренческого взгляда, парадоксальным образом перекликаются с духовной атмосферой начала XX в., когда особенно заметно усиление проповеднического начала в литературе. «Дедушка» старается аргументировать создаваемое учение, ведет диалог со своим воображаемым «благосклонным читателем» [27, т. 3, с. 115], предвосхищает его реакцию, говоря о его удивленной и недоверчивой улыбке [27, т. 3, с. 127].

Ориентация на другого имеет большое значение для понимания смысла исповедального слова в этих произведениях. Такая установка, с одной стороны, свидетельствует о попытке человека установить контакт с окружающим миром, о его нужде в признании. С другой стороны, за названной установкой может таиться желание манипулировать адресатом речи, создавая иллюзию искренности. Недаром в данном случае обращение к читателю почти всегда встречается в момент, когда возникает необходимость скрыть решающие факты, эмоции или отвлечь от них внимание. Кроме того, указание в тексте на присутствие другого раскрывает и особого рода диалогичность, характерную для литературной исповеди.

Существенно, что в этом случае сознание говорящего героя вплетается в его диалог с другим, в его высказывании проектируется чужое слово. Изучая «внутреннюю диалогизацию», свойственную стилю повествования подпольного человека Ф.М. Достоевского, М.М. Бахтин указывает на «слово с лазейкой» как ключ к пониманию исповедальной формы в творчестве писателя. По определению ученого, «лазейка — это оставление за собой возможности изменить последний, тотальный смысл своего слова...» [4, с. 259], а «исповедальное самоопределение с лазейкой <...> по своему смыслу является последним словом о себе, окончательным определением себя, но на самом деле внутренне рассчитывает на ответную противоположную

оценку себя другим» [4, с. 260]. В такой ситуации исповедальное слово не предполагает окончательного оформления мысли, а превращает процесс самоопределения в бесконечную игру. Исповедуясь, человек в то же время избегает раскрытия своего подлинного облика.

Подобный механизм наблюдается в тех произведениях Андреева, где разного рода игровые стратегии приобретают главенствующее значение. По мнению М.В. Карякиной, в «Мысли» представлена экспериментальная ситуация, в которой экзистенциальный бунт оборачивается игрой с безумием [11, с. 90]. Игра как принцип существования воплощена прежде всего в поведении героя. Керженцев увлечен шахматными играми, говорит, что он и его мысль «словно играли с жизнью и смертью и высоко-высоко парили над ними» [27, т. 1, с. 404]. Ему также свойственна склонность к миметической игре. Керженцев неоднократно подчеркивает свой актерский талант, который в свою очередь является выражением абсолютной свободы и коррелирует с идеей о сверхчеловеке, о собственном превосходстве над другими людьми. Он видит в себе «недюжинного актера, способного сочетать естественность игры, доходившую временами до полного слияния с олицетворяемым лицом, с неослабевающим холодным контролем разума» [27, т. 1, с. 391]. Для него психические припадки, которые он изображает, — просто «фокус» [27, т. 1, с. 393], а когда граница между реальностью и иллюзией становится неразличимой, герой признает, что он «слишком глубоко вошел в роль, временно отожествился с изображаемым лицом и на минуту потерял способность самоотчета» [27, т. 1, с. 413]. Можно считать, что именно через игру герой пытается познать себя и окружающий мир.

Напомним: в идее конструирования действительности посредством игры наглядно отражается интеллектуальная атмосфера начала XX в., когда феномен театрализации обретает определяющее значение. А.В. Вислова, обращая внимание на проникновение игры во все сферы культуры Серебряного века, утверждает, что в этом контексте «“смысл” <...> решительно уступал место “игре”», и отмечает существенную роль «игры во “вторую реальность”, в ее творение повсюду: в сознании, в искусстве, в жизни» [6, с. 170]. В этом смысле можно сказать, что в фигуре Керженцева воплощена личность, типичная для своего времени.

Если для Керженцева «весь мир — театр», то у «дедушки» игровая стихия проявляется в претензии на роль великого учителя, хотя, по его

словам, он не пророк, а «просто скромный мыслитель» [27, т. 3, с. 144]. С воодушевлением герой рассказывает о своем ораторском даре, который позволяет «влиять на слушателей <...> в желаемом направлении» [27, т. 3, с. 143–144]. Красноречие «дедушки» и его способность воздействовать на чужое сознание подтверждает и тот факт, что благодаря усилиям потрясенных его «спектаклем» начальника тюрьмы и его супруги герой освобождается из заключения.

Как указывал Ю.М. Лотман, игра — это «особого типа модель действительности», где главное место занимает двуплановость поведения, т. е. в игре сосуществуют условный и реальный миры» [14, с. 81–82]. В анализируемых текстах игра важна и для создания в высшей степени амбивалентной ситуации, в которой не дается однозначного ответа на вопросы о правде и лжи. В центре воссоздаваемой писателем игры находится стремление к «прозрачности», составляющей характерное выражение исповедальной интенции. Так, Керженцев делает акцент на своей полной откровенности, но вместе с тем сообщает, что «ни один любопытный взгляд не проник в глубину» его «души с <...> темными провалами и безднами, на краю которых кружится голова» [27, т. 1, с. 388]. Он жонглирует фактами и мыслями, а также повествовательными приемами, облекая свой интеллектуальный эксперимент в форму исповеди. Весьма примечательна в этом плане просьба героя не разбирать зачеркнутые им в записках слова и помарки [27, т. 1, с. 407], которая не только говорит о внутренней противоречивости его сознания, но и намекает на существование тайн, оберегаемых персонажем от взора читателя.

В «Моих записках», по утверждению Е.И. Петровой, «в игру вступают перетекающие друг в друга антиномии правда — ложь, которые представляются обусловленными друг другом и неотделимыми» [17, с. 209]. Герой повести, готовый, казалось бы, излить людям душу, откровенно высказывается о невозможности полного самораскрытия. Он утверждает, что «даже рентгеновские лучи, если бы таковые были открыты для души, не могут проникнуть в глубочайшие тайники ее, и всегда останется место, куда может скрыться преследуемая мысль» [27, т. 3, с. 129]. Несложно заметить, что в его стремлении к самоанализу присутствует и нечто, сопротивляющееся этому желанию. Слова «дедушки» отличаются одновременно склонностью к логическому мышлению и парадоксальностью. Он с пафосом гово-

рит об истине и о необходимости ее поиска — и признает, что «очень много лгал в этих бесцельных и наивных записках» [27, т. 3, с. 176].

Таким образом, ясно, что искренность повествования, которое ведет персонаж, скорее всего, мнимая, а сам рассказчик — ненадежный. При этом чрезвычайно значительную роль играют паратекстовые элементы, а именно примечания «автора» записок, сопровождающие едва ли не каждую их страницу. В сносках герой комментирует основной текст, вольно интерпретирует происходящие события, уточняет информацию и интонацию той или иной части повествования, шутит, добавляет детали, порой не имеющие прямого отношения к теме. Этот прием становится весьма «удобным» для рассказчика, позволяет ему отвергнуть чужие аргументы и защитить свою позицию, например, в тех местах, где приводится его диалог с художником К. На протяжении всей повести герой философствует, аргументируя свои выводы с опорой на «общеизвестные факты», однако использует разного рода сомнительные и явно обманчивые формулировки. Кроме того, рассказчик часто прибегает к цитированию и в некоторых случаях к самоцитированию: он ссылается как на высказывания реальных исторических личностей, так и на тексты иного рода («Правила для заключенных» и конспект его лекций). Особый интерес в этом отношении представляет постоянное упоминание о созданном и уничтоженном автором «Дневнике заключенного», который остается неизвестным читателю. Многочисленные комментарии и «пустые ссылки» усложняют структуру текста и нарушают линейность повествования. Обилие таких элементов создает ложное впечатление объективности, будто вовлекая читателя в лабиринт и вводя в заблуждение.

Особая манерность и вычурность исповеди «дедушки», разумеется, связаны с пародийной направленностью произведения, которая была отмечена рядом исследователей[3]. По мнению Л.А. Иезуитовой, в повести «заглавие, образы героев, сюжет, вставные эпизоды сделаны по принципу деконструкции существовавших литературных и философско-исторических картин мира, выделения из них фрагментов, деталей, мотивов, придания им посредством повторов, монтажных комбинаций, гротескных конструкций самостоятельного звучания» [25, с. 30]. Можно предположить, что одним

3 О «Моих записках» как литературной пародии и интертекстуальных аспектах произведения см., например, работы Н.П. Генераловой, И.И. Московкиной и Л. Силард: [8; 16; 18; 19; 20].

из предметов такой деконструкции является и самое исповедальное слово. Говоря о «знаменитых “Исповедях” и автобиографиях», герой замечает, что в них «глубочайшие страдания роковым образом сочетаются с чисто актерской, почти непроизвольной игрой жестами, интонацией и словами», и иронично добавляет, что «если гальванизировать свежий труп одного из них, то в свои движения, наряду с несомненной мертвецкой искренностью, он внесет некоторую искусственную жестикуляцию» [27, т. 3, с. 164].

Опираясь на теоретические идеи П. де Мана и Дж. Остина, П. Брукс выделяет перформативный аспект исповедальной формы. С точки зрения ученого, повествование, рождающееся в процессе исповеди, может не соответствовать действительности по разным причинам, но перформативный акт самовыражения как таковой всегда несет в себе некую «правду» об исповедующемся [24, с. 21–23]. Это суждение очень значимо для интерпретации исповедального дискурса в творчестве Андреева. Важно подчеркнуть, что главный вопрос, поставленный в «Мысли» и в «Моих записках», заключается не столько в последовательности и достоверности сказанного, т. е. проблеме виновности — невиновности, сколько в том, что в них воплощено особого типа миропонимание, согласно которому истина неотличима от лжи, самоопределение становится игрой воображения, а личность рассыпается в постоянном чередовании масок.

Таким образом, игра в исповедь становится одним из проявлений игровой поэтики Андреева в целом. По утверждению С. Зассе, исповеди продуцируют повествовательные ситуации, которые «выдвигают на передний план вопрос о горизонте читателя и чтения, и связанный с этим возможный подход к знанию и суждению» [9, с. 62]. Как уже было отмечено, в «Мысли» игровые элементы не только занимают существенное место в развитии сюжета, но и создают главную интригу рассказа, заставляют читателя все время сомневаться в своей интерпретации речи персонажа, его характера и поступков. По мере приближения к финалу произведения все более ощутимой делается особая «заразительность» андреевского стиля, в котором повествование заключает в себе определенный вызов. Рассказывая о том, как он не удержался и стал ползать по камере, Керженцев, словно приглашая читателя к участию в своей игре, спрашивает: «О мои милые головастики — разве вы не я? <…> Вы сумасшедший. Не хотите ли проползти на четвереньках? <…> Не является ли у вас такого легонького желания, совсем

легонького, совсем пустячного, над которым смеяться хочется, — соскользнуть со стула и немного, совсем немного, проползти?» [27, т. 1, с. 415–416].

Побуждает читателя вступить в игру не только исповедующийся герой, но и писатель. Здесь важно крайне неоднозначное отношение Андреева к ситуации, воспроизведенной в «Моих записках». Создатель повести, с одной стороны, утверждает, что «стал подозревать» героя в убийстве, с другой — подчеркивает, что мнение автора не может считаться авторитетным [27, т. 3, с. 636]. Акцентируя внимание на двойственности как характерной черте произведений Андреева, Г.Н. Боева пишет, что «образы героев у Андреева двоятся, то вызывая сочувствие и понимание, то внушая ужас своей аморальностью», и указывает на то, что «в этом мерцании смыслов видится отражение концепции человека эпохи модерна, размывающей границу между здоровьем и аномалией, сумасшествием и нормой» [5, с. 26]. Следует отметить, что именно в форме исповедального повествования ярче всего отражен художественный принцип Андреева и воплощено такое видение человека.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что в рассказе «Мысль» и в повести «Мои записки» исповедальное слово не только имеет существенное значение как форма, позволяющая создать особого типа психологизм и выявить внутренние конфликты в экзистенциальном сознании человека, но в исповедальной форме продемонстрирован и парадокс, проявляющийся в процессе саморазоблачения. Важно, что в данном случае исповедь превращена в игру, стремление к самораскрытию не приводит к установлению истины, а лишь свидетельствует о ее непостижимости и относительности. Итак, личность воплощена в рассмотренных произведениях Андреева как некая фикция, возникающая в результате игрового конструирования, что говорит в свою очередь и о трагическом видении судьбы человека, в высшей степени свойственном художественному сознанию писателя.

Список литературы

Исследования

1 *Антощук Л.К.* Новый опыт безумия: эксперименты с сознанием (рассказ Л. Андреева «Мысль» как модель безумия нач. XX века) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (филология). 1999. Вып. 6 (15). С. 27–31.

2 *Бабичева Ю.В.* Драмы-исповеди Леонида Андреева («Реквием», «Собачий вальс») // Русская литература XX века (дооктябрьский период). Тула: Тульский гос. пед. ин-т им Л.Н. Толстого, 1976. Сб. 8. С. 52–67.

3 *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М.* Собр. соч. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 69–263.

4 *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // *Бахтин М.М.* Собр. соч. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 5–300.

5 *Боева Г.Н.* Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна. СПб.: Петрополис, 2016. 520 с.

6 *Вислова А.В.* «Серебряный век» как театр: Феномен театральности в культуре рубежа XIX–XX вв. М.: Российский ин-т культурологии, 2000. 212 с.

7 *Генералова Н.П.* [Вступительная статья к публикации «Андреев Л. Дневник 1891–1892 гг.»] // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994. С. 81–88.

8 *Генералова Н.П.* «Мои записки» Леонида Андреева (К вопросу об идейной направленности повести) // Русская литература. 1986. № 4. С. 172–185.

9 *Зассе С.* Яд в ухо: Исповедь и признание в русской литературе. М.: РГГУ, 2012. 400 с.

10 *Ибатуллина Г.М.* Исповедальность и рефлексия в литературном тексте. М.: Флинта, 2022. 148 с.

11 *Карякина М.В.* Феномен игры в творчестве Леонида Андреева: дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 214 с.

12 *Козьменко М.В.* Дневник-роман Леонида Андреева // *Андреев Л.Н.* Дневник. 1897–1901 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 3–34.

13 *Колобаева Л.А.* Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX вв. М.: Изд-во МГУ, 1990. 336 с.

14 *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.

15 *Михеичева Е.А.* О психологизме Леонида Андреева. М.: Московский пед. ун-т, 1994. 188 с.

16 *Московкина И.И.* Между «pro» и «contra»: координаты художественного мира Леонида Андреева. Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2005. 288 с.

17 *Петрова Е.И.* Игра, симулякры и псевдоподобия в повести Леонида Андреева «Мои записки» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 2. С. 208–215.

18 *Силард Л.* «Мои записки» Л. Андреева. I. К вопросу об истории оценок и полемической направленности повести // Studia Slavica Hungaricae. 1972. Vol. XVIII. С. 303–342.
19 *Силард Л.* «Мои записки» Л. Андреева. II. Метаморфозы русского позитивизма в зеркале литературной пародии // Studia Slavica Hungaricae. 1974. Vol. XX. С. 41–69.
20 *Силард Л.* «Мои записки» Л. Андреева. III. Великий Инквизитор Л. Андреева, или «душегрейка новейшего уныния» // Studia Slavica Hungaricae. 1974. Vol. XX. С. 271–304.
21 *Уваров М.* Архитектоника исповедального слова. СПб.: Алетейя, 1998. 243 с.
22 *Ясенский С.Ю.* Искусство психологического анализа в творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Андреева // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1994. Т. 11. С. 156–187.
23 *Axthelm P.M.* The Modern Confessional Novel. New Haven; London: Yale University Press, 1967. 189 p.
24 *Brooks P.* Troubling Confessions: Speaking Guilt in Law and Literature. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2001. 224 p.
25 *Iezuitova L.* Повесть Л. Андреева «Мои записки» как явление модернизма (предавангарда) // Russian Literature. 1994. XXXVI. P. 29–44.
26 *Kaun A.* Leonid Andreyev: A Critical Study. New York: B.W. Huebsch, 1924. 361 p.

Источники

27 *Андреев Л.Н.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1990–1996.
28 Литературное наследство. М.: Наука, 1965. Т. 72: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. 630 с.

References

1 Antoshchuk, L.K. “Novyi opyt bezumiia: eksperimenty s soznaniem (rasskaz L. Andreeva ‘Mysl’’ kak model’ bezumiia nach. XX veka)” [“A New Experience of Madness: Experiments with Consciousness (L. Andreev’s ‘Thought’ as a Model of Madness of the Beginning of the 20th Century)”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki (filologiia)*, issue 6 (15), 1999, pp. 27–31. (In Russ.)
2 Babicheva, Iu.V. “Dramy-ispovedi Leonida Andreeva (‘Rekviem’, ‘Sobachii val’s’) [“Confessional Plays of Leonid Andreev (‘Requiem,’ ‘The Waltz of the Dogs’)”]. *Russkaia literatura XX veka (dooktiabr’skii period)* [*Russian Literature of the 20th Century (Pre-October Period)*], vol. 8. Tula, Tula State Pedagogical Institute named after L.N. Tolstoy Publ., 1976, pp. 52–67. (In Russ.)

3 Bakhtin, M.M. “Avtor i geroi v esteticheskoi deiatel’nosti” [“Author and Hero in Aesthetic Activity”]. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], vol. 1. Moscow, Russkie slovari Publ., Iazyki slavianskoi kul’tury Publ., 2003, pp. 69–263. (In Russ.)

4 Bakhtin, M.M. “Problemy poetiki Dostoevskogo” [“Problems of Dostoevsky’s Poetics”]. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], vol. 6. Moscow, Russkie slovari Publ., Iazyki slavianskoi kul’tury Publ., 2002, pp. 5–300. (In Russ.)

5 Boeva, G.N. *Tvorchestvo Leonida Andreeva i epokha moderna* [*The Works of Leonid Andreev and the Modern Era*]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2016. 520 p. (In Russ.)

6 Vislova, A.V. *“Serebrianyi vek” kak teatr: Fenomen teatral’nosti v kul’ture rubezha XIX–XX vv.* [*“The Silver Age” as Theater: The Phenomenon of Theatricality in the Culture of the Turn of the 19th and 20th Centuries*]. Moscow, Russian Institute of Cultural Studies Publ., 2000. 212 p. (In Russ.)

7 Generalova, N.P. “Vstupitel’naia stat’ia k publikatsii ‘Andreev L. Dnevnik 1891–1892 gg.’.” [“Introduction to ‘Andreev L. Diary: 1891–1892’.”]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1991 god* [*Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1991*]. St. Petersburg, Gumanitarnoe agentstvo “Akademicheskii proekt” Publ., 1994, pp. 81–88. (In Russ.)

8 Generalova, N.P. “‘Moi zapiski’ Leonida Andreeva (K voprosu ob ideinoi napravlennosti povesti)” [“Leonid Andreev’s ‘My Notes’ (On the Question of the Ideological Orientation of the Story)”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 1986, pp. 172–185. (In Russ.)

9 Zasse, S. *Iad v ukho: Ispoved’ i priznanie v russkoi literature* [*Poison into the Ear: Confession in Russian Literature*]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2012. 400 p. (In Russ.)

10 Ibatullina, G.M. *Ispovedal’nost’ i refleksiia v literaturnom tekste* [*Confession and Self-reflection in Literary Texts*]. Moscow, Flinta Publ., 2022. 148 p. (In Russ.)

11 Kariakina, M.V. *Fenomen igry v tvorchestve Leonida Andreeva* [*The Phenomenon of Play in the Works of Leonid Andreev: PhD Dissertation*]. Ekaterinburg, 2004. 214 p. (In Russ.)

12 Koz’menko, M.V. “Dnevnik-roman Leonida Andreeva” [“Diary-Novel of Leonid Andreev”]. Andreev, L.N. *Dnevnik. 1897–1901 gg.* [*Diary. 1897–1901*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 3–34. (In Russ.)

13 Kolobaeva, L.A. *Kontseptsiia lichnosti v russkoi literature rubezha XIX–XX vv.* [*The Concept of Personhood in Russian Literature of the Turn of the 19th and 20th Centuries*]. Moscow, Moscow State University Publ., 1990. 336 p. (In Russ.)

14 Lotman, Iu.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [*The Structure of the Artistic Text*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 384 p. (In Russ.)

15 Mikheicheva, E.A. *O psikhologizme Leonida Andreeva* [*On the Psychologism of Leonid Andreev*]. Moscow, Moscow Pedagogical University Publ., 1994. 188 p. (In Russ.)

16 Moskovkina, I.I. *Mezhdu “pro” i “contra”: koordinaty khudozhestvennogo mira Leonida Andreeva* [*Between “Pro” and “Contra”: Coordinates of Leonid Andreev’s Literary World*]. Kharkiv, V.N. Karazin Kharkiv National University Publ., 2005. 288 p. (In Russ.)

17 Petrova, E.I. “Igra, simuliakry i psevdopodobiia v povesti Leonida Andreeva ‘Moi zapiski’.” [“Play, Simulacra and Pseudo-Semblances in Leonid Andreev’s ‘My Notes’.”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriia: Russkaia filologiia*, no. 2, 2010, pp. 208–215. (In Russ.)

18 Silard, L. “‘Moi zapiski’ L. Andreeva. I. K voprosu ob istorii otsenok i polemicheskoi napravlennosti povesti” [“L. Andreev’s ‘My Notes.’ I. On the Question of the History of Reception and Polemical Orientation of the Story”]. *Studia Slavica Hungaricae*, vol. XVIII, 1972, pp. 303–342. (In Russ.)

19 Silard, L. “‘Moi zapiski’ L. Andreeva. II. Metamorfozy russkogo pozitivizma v zerkale literaturnoi parodii” [“L. Andreev’s ‘My Notes.’ II. Metamorphoses of Russian Positivism in the Mirror of Literary Parody”]. *Studia Slavica Hungaricae*, vol. XX, 1974, pp. 41–69. (In Russ.)

20 Silard, L. “‘Moi zapiski’ L. Andreeva. III. Velikii Inkvizitor L. Andreeva, ili ‘dushegreika noveishego unyniia’.” [“L. Andreev’s ‘My Notes.’ III. L. Andreev’s Grand Inquisitor, or ‘Coat of the Latest Despondency’.”] *Studia Slavica Hungaricae*, vol. XX, 1974, pp. 271–304. (In Russ.)

21 Uvarov, M. *Arkhitektonika ispovedal’nogo slova* [*Architectonics of the Confessional Word*]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1998. 243 p. (In Russ.)

22 Iasenskii, S.Iu. “Iskusstvo psikhologicheskogo analiza v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i L.N. Andreeva” [“The Art of Psychological Analysis in the Works of F.M. Dostoevsky and L.N. Andreev”]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Studies*], vol. 11. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, pp. 156–187. (In Russ.)

23 Axthelm, Pete M. *The Modern Confessional Novel*. New Haven, London, Yale University Press, 1967. 189 p. (In English)

24 Brooks, Peter. *Troubling Confessions: Speaking Guilt in Law and Literature*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 2001. 224 p. (In English)

25 Iezuitova, L. “Povest’ L. Andreeva ‘Moi zapiski’ kak iavlenie modernizma (predavangarda)” [“L. Andreev’s ‘My Notes’ as a Phenomenon of Modernism (Pre-Avantgarde)”]. *Russian Literature*, vol. XXXVI, 1994, pp. 29–44. (In Russ.)

26 Kaun, Alexander. *Leonid Andreyev: A Critical Study*. New York, B.W. Huebsch, 1924. 361 p. (In English)